

Некрасов на "Повороте к правде"

(Лето 1845 года)

Русская литература, No 3, 2004
OCR Бычков М.Н.

Классическая некрасовская лирика начинается стихотворением "В дороге" (1845), которым сам поэт неизменно открывал все издания своих стихотворений. До той поры В. Г. Белинский, который заметил и пестовал Некрасова с 1843 года высоко ценя его талант журналиста и поэта-сатирика, кажется, и не подозревал в нем задатки "поэта истинного".

"Литературная деятельность Некрасова, -- вспоминает И. И. Панаев, -- до того времени не представляла ничего особенного. Белинский полагал, что Некрасов навсегда останется не более как полезным журнальным сотрудником, но когда он прочел ему свое стихотворение "На дороге" (т. е. "В дороге". -- Б. М.), у Белинского засверкали глаза, он бросился к Некрасову, обнял его и сказал чуть не со слезами на глазах: -- Да знаете ли вы, что вы поэт -- и поэт истинный?".¹

Сам Некрасов незадолго до кончины объяснял свое новое рождение -- рождение народного поэта - как своеобразный переход журнального количества в поэтическое качество в условиях поощрительно-благожелательной поддержки Белинского и его петербургских литературных единомышленников: "Поворот к правде, явившийся отчасти от писания прозой, крит<ических> ст<атей> Белинского, Боткина, Анненкова и др<угих>. Тургенев, Кр<аевский>, Панаев, Панае<ва>".²

Это указание поэта подтверждают авторитетные свидетельства других мемуаристов. Один из них рассказывает, как великий критик уже в 1843 году "лелеял и всюду рекомендовал и выводил в люди Некрасова",³ другой (П. В. Анненков) -- "как принялся за него Белинский, раскрывая ему сущность его собственной натуры и ее силы, и как покорно слушал его поэт..."⁴

Впрочем, теоретические споры петербургских либералов уже в 1843--1844 годах не столько пленяли Некрасова, сколько раздражали своей отвлеченностью. Впоследствии, вспоминая об этих сходках, он говорил С. Н. Кривенко: "Тяжелое производили они на меня впечатление: преобладала часто фраза, диалектика, говорились общие места, говорили больше о Западной Европе, видно было незнание русской жизни и русского народа... Я сознавал, что все это было не то, что нам нужно, но в то же время спорить с ними не мог, потому что они знали гораздо больше меня, гораздо больше меня читали. Сознавая все больше и больше, что нам нужно нечто иное, я начал работать, учиться..."⁵

Свидетельница таких бесед с участием И. С. Тургенева в 1844 году у Белинского на даче А. В. Орлова подтверждает, что Некрасов там "говорил меньше других, мало спорил, иронически улыбался во время спора других".⁶

Страстный поклонник Гоголя и один из крупнейших его последователей, а к середине 1845 года лидер *натуральной школы*, Некрасов в это время написал несколько сатирических шедевров в стихах ("Чиновник", "Послание к другу. (Из-за границы)", "Современная ода"), но от иронии, насмешки еще не перешел к "поэзии мысли", отрицанию и радикализму. В прозе он уже создал свои знаменитые "Петербургские углы", в которых ясно обозначены основные темы его зрелого творчества -- угнетенный народ, крестьянские биографии, жизнь столицы, -- но автор этого *физиологического очерка* нигде не обнаруживает собственно писательского отношения к обитателям "углов". Он здесь преимущественно беспристрастный исследователь юмористически "чувствительным сердцем".

Это дало повод Л. В. Бранту в рецензии на "Физиологию Петербурга" выдвинуть автору "Петербургских углов" обвинение, которое трудно оспорить: "Писатель с дарованием, с умом и сердцем, сойдя воображением в это убогое жилище, сойдя в этот мрачный нищенский угол, мог бы нарисовать картину грустную, возбуждающую участие, сострадание. Г-н Некрасов питомец новейшей школы, образованной г. Гоголем, школы, которая стыдится чувствительного, патетического..."⁷

"Переломным оказался 1845 год", -- пишет Н. Н. Скотов. В этом году, продолжает он чуть ниже, "совершалось действительно поэтическое открытие. Явился поэт. Не в ряду прочего писавший стихи литератор, а *поэт*, до того у нас не бывший и невиданный. Вот это-то Белинский с поразительным своим чутьем понял сразу и отреагировал с тем большей силой, чем большей неожиданностью для него самого